

Сулейманова Ольга Аркадьевна

Московский городской педагогический университет,
Россия, 105064, Москва, пер. Малый Казенный, 5 Б
olgasoul@rambler.ru

Водяницкая Альбина Александровна

Московский городской педагогический университет,
Россия, 105064, Москва, пер. Малый Казенный, 5 Б
avodyanickaya@yandex.ru

Фомина Марина Аркадьевна

Московский городской педагогический университет,
Россия, 105064, Москва, пер. Малый Казенный, 5 Б
marinafomina7@gmail.com

Когнитивный сценарий процесса языковой категоризации

Для цитирования: Сулейманова О. А., Водяницкая А. А., Фомина М. А. Когнитивный сценарий процесса языковой категоризации. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2020, 17 (2): 309–322. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2020.209>

Развитие когнитивной парадигмы стимулирует интерес к процессам языковой категоризации, языковым средствам ее выражения, однако вербализация процесса категоризации, а также ряд вопросов, связанных с интерпретацией артикаля как специального репрезентанта категоризации, не получили описания, что делает актуальным анализ того, как вербализуется данный процесс, какие языковые средства реализуют данную когнитивную операцию. Ставится задача выстраивания фрейма процесса категоризации, выявления принципов профилирования в его описании, выделения языковых средств его вербализации. Методология исследования включает: отбор методом сплошной выборки из словаря С. И. Ожегова языковых единиц, описывающих данный процесс; выстраивание фрейма процесса категоризации (процедура принятия решения об отнесении объекта к некоторой категории, процесс «взвешивания» решения, операция категоризации как таковая — приписывание объекта к тому или иному классу, характеристика степени уверенности говорящего в его решении, выраженности принадлежности к классу; соотнесение объекта с классом объектов, но не приписывание к нему). В результате исследования выделены единицы, которые профилируют соответствующие операции — акцентируют путь получения знания, способ его вербализации (*обозначать, выглядеть*), сопутствующие обстоятельства, аспекты принятия решения: колебания (*все-таки*), (не)уверенность в принятом решении (*вроде, как будто*), оценку соответствия объекта требованиям, предъявляемым к объектам данной категории (*идентичный, похожий, настоящий*), устанавливая подобие объектов разных классов (*похожий*), акцентируют результат когнитивной операции уподобления/расподобления (*мнимый, ложный, схожий*), констатируют слабое соответствие объекта

свойствам, которые позволяют отнести его к данному классу («худший» представитель класса: *заурядный, захудалый, нукудышный*).

Ключевые слова: языковая категоризация, фрейм процесса категоризации, когнитивная операция, класс объектов, принцип профилирования.

Введение

Проблема категоризации мира и его объектов непосредственно связана с выживанием человека в окружающем мире, поскольку для того, чтобы оперировать объектами и процессами, необходимо их классифицировать (= категоризовать), распределить по классам (= категориям). Каждый новый объект X, поступающий в сферу индивида, соотносится им с некоторым классом (категорией), и если X соответствует по своим свойствам этому классу, индивид взаимодействует с ним так, как принято при «общении» с объектами данного класса. Правила взаимодействия с объектами класса установлены опытным путем в ходе фило- и онтогенеза;

язык, с одной стороны, выступает важным средством закрепления результатов практической и теоретической деятельности человека. С другой стороны, способ мироотношения детерминируется лингвокультурой общества, в которой закреплён прошлый опыт действий [Вербицкая 2015: 10].

Этот опыт обладает высокой прогностической силой, снимая энтропию и позволяя человеку чувствовать себя комфортно в предсказуемом, и потому уже неопасном, мире [Сулейманова, Петрова 2018]. Иными словами, категория представляет собой инструмент познания и результат познания, существуя на различных уровнях обобщения. (Мы будем оперировать понятием класса при описании результата процесса категоризации.) Развитие когнитивной парадигмы стимулирует интерес к процессам языковой концептуализации («осмысление и закрепление результатов познания в виде единиц знания — концептов» [Болдырев 2010: 45]) и категоризации («отнесение их (этих единиц знания. — *Авторы.*) к определенным рубрикам опыта — категориям», или «концептуальное объединение объектов» [Болдырев 2010: 45]), их взаимодействию в процессе освоения говорящим языковой картины мира и функционирования языка [Кубрякова 2010: 17]. Понятно при этом, что категоризация осуществляется практически в каждом речевом акте, поскольку все знаменательные слова имеют категориальное значение, однако эту функцию могут выполнять и незнаменательные единицы — напр., в английском языке эту функцию выполняет артикль, в русском языке ситуация иная: это могут быть эквиваленты артикля (напр., слово *целый*), но гораздо чаще категоризация осуществляется за счет актуального членения и нулевого актуализатора: так, в высказывании *Сегодня мы обсудим возможный подход к решению проблемы и выработаем стратегию взаимодействия с партнерами* вводятся объекты *подход* и *стратегия*, которые имплицитно относятся к соответствующим классам (категориям) объектов. Ср. англ. *We shall find a solution after all*, где эксплицирована отнесенность объекта к классу решений через специальный артиклевый актуализатор — *a solution*. (В работе будет использоваться термин «объект» в нестрогом, широком смысле для обозначения всего, что становится объектом описания — это могут быть физические и нефизические объекты, включая действия.)

В фокус внимания исследователей попадают процессы и закономерности категоризации, разнообразные категории, получающие выражение в системах концептов (см., напр.: [Гартунг 2019; Дзюба 2015; Манаенко 2019; Фурс, Вишневская 2019; Geeraerts 1990; Shen, Gil 2017; Sroka 2018; Yin 2016] и многие другие).

В лингвистике также рассмотрены специально предназначенные для выражения категоризации языковые средства, а именно: артикль как одно из таких средств, выполняющих данную функцию, как основной репрезентант категории; притяжательные, указательные местоимения; лексические единицы языковой категоризации, выражающие категорию определенности/неопределенности (напр., русское слово *цельный*); число имени, видо-временные характеристики глагола; порядок слов и интонация (см. обзор: [Сулейманова 1984]); часто эту функцию выполняют перцептивные глаголы, акцентирующие внимание на вхождении в сферу перцепции субъекта объектов определенного класса, и др.

Особый интерес в этой связи представляет артикль, причем в области его описания по-прежнему не вполне ясны принципы, определяющие разграничение определенного и неопределенного артикля. Так, значение неопределенного артикля часто интерпретируется через признак неизвестности, тогда как определенное — через известность, что не исчерпывает всей сложности данного противопоставления (см. обзор теорий артикля: [Сулейманова 2013]). Например, к хорошо известному объекту может осуществляться референция неопределенной именной группой: в высказывании *James Watson was a goalkeeper of the Warwick school soccer team* хорошо известная личность описывается именной группой с неопределенным артиклем, или, напротив, ранее не упоминавшийся объект при первом упоминании, причем без индивидуализирующего постпозитивного определения, вводится именной группой с определенным артиклем: *When I first entered her new flat I was surprised that the ceiling was black*. Не вполне понятно также, почему при первом упоминании ряд объектов тем не менее описывается определенной дескрипцией, напр.: *the nose, the middle of the room, the top of the page, the contents of a book* — какой когнитивный принцип лежит в основе выбора того иного артикля?

Помимо артикля и в целом лексики в языке есть также ряд синтаксических структур, значение которых предопределяет их использование для категоризации, — это прежде всего экзистенциальные конструкции с глаголами 'иметь' и 'быть', которые используются для введения некоторого объекта, идентифицируемого до уровня члена класса, когда говорящий сообщает о наличии у него объекта, принадлежащего к некоторому классу: *He had an odd feeling; There is a fine job for you in our company; На углу улицы был парк; В углу стояло пианино; На столе лежал справочник* и др. Ср. также оппозицию русских моделей *У X-а есть У* и *У X-а У*, в основе противопоставления которых лежат именно процессы языковой категоризации [Селиверстова 1973]. Проблема выявления когнитивных оснований порядка следования определений в атрибутивной цепочке также принимает вид проблемы языковой категоризации, в частности регламентируется теорией классов [Сулейманова, Петрова 2018].

Иными словами, в акте коммуникации так или иначе реализуется категоризация, отражая потребность человечества в решении экзистенциальных вопросов. Например, в следующем отрывке ставится проблема категоризации, где автор задает вопрос об отнесении картины Леонардо да Винчи к определенной категории

как результата сплетения артефактов: *Что изображено на картине: загадочный проект? Конструкция социума? Пародия на материнство? ...Инженерные чертежи и наброски фигур сплетаются у Леонардо в единый рисунок* [Кантор 2016: 37].

Ср. также описание помещения и категоризацию размещенных в нем объектов и далее характеристику хозяина квартиры через отнесение его к различным (под) классам — *старый (человек), недюжинный, серьезный*.

Мы увидели большую темную переднюю с зеркалом, столиком, картиной в овальной раме, такой же темной, как стены, стулья с высокими спинками, пол с ковром. Иван Иванович показался мне старым, старше, чем я ждал по рассказам.... сразу угадывал человека недюжинного, нашедшего себя. ...Он был серьезный человек, вот в чем дело [Шварц 2019: 83].

При этом в двух случаях автор эксплицирует саму операцию категоризации: *показался, был*, тогда как в остальных случаях категоризация происходит как бы имплицитно: авторы *увидели*, а в случае с *угадывал* героиня просто фиксирует ее как данность. (Отметим сразу, что слово *угадывал*, вводящее в данном случае категоризацию и обозначающее процесс категоризации как «угадывание», необязательно всегда осуществляет категоризацию, поэтому не вошло в наш эмпирический корпус.)

Вербализация, однако, самого процесса и результата категоризации к настоящему времени не получили специального описания, что делает задачу анализа того, как именно вербализуется данный процесс, какие когнитивные операции лежат в его основе, какие языковые средства способны реализовать данную когнитивную операцию, **актуальной** — не изучены соответствующие языковые средства с точки зрения того, как именно они реализуют данную функцию — напр., это могут быть единицы типа *настоящий X, определить X как, X как таковой* и многие другие.

Таким образом, ставится **задача**, во-первых, выстроить фрейм процесса категоризации и далее выявить принципы профилирования в описании ситуации как когнитивного механизма категоризации (см.: [Безукладова 2013: 148]). Это позволит выявить совокупность языковых средств вербализации самого процесса (результата) языковой категоризации и далее охарактеризовать когнитивные операции, осуществляемые говорящим в ходе категоризации. Как представляется, репрезентация процесса категоризации вместе с тем не сводится к выбранному корпусу единиц — он может быть расширен за счет единиц типа *угадывать* и др.

Новизну предпринятого исследования составляет, во-первых, поставленная задача и выбранная перспектива исследования, а также, во-вторых, выявление когнитивных оснований процесса категоризации.

Методология исследования: вербализация процесса категоризации

Рассмотрим процесс категоризации и его вербализации в естественном языке и выстроим его фрейм. Он включает в принципе процедуру принятия решения об отнесении того иного объекта к некоторой категории и предполагает сам процесс «взвешивания», операцию категоризации как таковую — приписывание объекта к тому или иному классу (причем на основе визуальных, тактильных и других характеристик), характеристику степени уверенности говорящего в своем решении,

степени выраженности принадлежности к тому или иному классу — это может быть также и соотнесение объекта X с классом Y-ков, но не приписывание к нему. Таким образом, можно выделить соответствующие слоты и далее языковые единицы различного уровня и различные части речи, профилирующие соответствующие операции: прилагательные (*истинный, настоящий*), наречия (*собственно, во все не, по сути*), глаголы (*обозначить*) и отглагольные образования (*обозначаемый как*) и др. При этом частеречная принадлежность однокоренных слов не влияет на принцип категоризации — *характеризовать как* и *характеризуемый как* вербализуют процесс категоризации сходным образом — с точки зрения раскрытия когнитивного основания категоризации.

Для анализа того, какие именно операции осуществляет говорящий для категоризации объектов, методом сплошной выборки из толкового словаря С. И. Ожегова отобраны языковые единицы, которые (по крайней мере в одном из своих значений) описывают данный процесс (общее количество единиц составило более 80, при этом не учитывались видо-временные пары, однокоренные единицы, принадлежащие к различным частям речи, — т. е. фактически словарных единиц больше).

Исследование показало, что в русском языке категоризация может получать выражение через акцент на принятии решения, предшествующих сомнениях и взвешивании аргументов, на отнесении к классу на основе соответствия, на основе принятых практик и восприятия и др., что отражает сложные когнитивные операции в языковом сознании индивида.

Вербализация процесса категоризации в языке

Проблема языковой категоризации мира в настоящий период развития лингвистики является одной из самых широко разрабатываемых, как отмечалось выше. В связи с этим, наряду с анализом вербализации процесса категоризации *per se*, остановимся на одной из проблемных зон описания категоризации, в частности категории детерминации, представленной артиклевыми актуализаторами.

Артикль как основной репрезентант категоризации

Анализ когнитивного принципа, определяющего выбор неопределенного или определенного артикля, разграничение двух типов характеристики с точки зрения идентификации объектов, представленный Дж. Хокинсом [Hawkins 1978], позволяет, как представляется, объяснить ряд особенностей категоризации, в частности случаи употребления определенного артикля. Категория определенности трактуется в данной работе как идентификация объекта до уровня индивида, или выделение из класса объектов [Сулейманова 2013; Souleimanova 2015]. Такое выделение обеспечивается рядом языковых средств, напр. прилагательными в форме превосходной степени, порядковыми числительными, именами собственными, анафорой (предупомынутостью), катафорой, или рестриктивным постпозитивным определением типа *that is the film I told you about*. Хокинс добавляет сюда чрезвычайно ценное эвристически когнитивное обоснование на основе фреймового подхода (в его работе не использовалось понятие фрейма или когнитивного обоснования, однако по сути речь идет именно о данных представлениях, но в других терминах): если

задается фрейм — у него это либо некий триггер, спусковой крючок, либо общее понимание того, какая ситуация имеется в виду. При этом все обязательные элементы фрейма, причем единичные, обозначены определенной дескрипцией. Так, если ввести обозначение класса для занятий, обязательные элементы, представленные единично, обозначаются существительным с определенным артиклем — *the floor / the ceiling / the blackboard / the headmaster's desk*; как только человек заходит на территорию университета или описывает его, слова *the canteen / the university library / the administration* требуют определенного артикля. Ср. также обозначение человека как физической сущности и следующее из этого *the nose / the forehead / the body / the mouth* или обозначение книги и *the contents / the front cover / the back cover / the plot / the beginning / the end*. Высокий эвристический и дидактический потенциал данного подхода сомнений не вызывает и безусловно требует дальнейшего развития.

Не вполне ясные описанные выше случаи употребления неопределенного артикля, как представляется, хорошо объясняются в рамках теории классов, а именно — неопределенный артикль представляет свой денотат как идентифицированный до уровня члена класса, ему не приписываются индивидуализирующие, выделяющие его из класса признаки, и в этом смысле объект можно приписать к более общей категории и далее категоризовать в рамках иных категории, что слабо связано с известностью/неизвестностью.

Покажем, как данные представления «работают» в тексте, на примере произвольно выбранного отрывка из романа:

*Already late for their table, they didn't linger on **the** (1) observation floor, but made directly for **the** (2) curved stairway that led to **the** (3) restaurant. A (4) waitress, beaming at them intimidatingly, as if it was **a** (5) racing certainty that they were about to have one of **the** (6) best evenings of their lives, led them to **an** (7) empty table and turned **the** (8) table-lamp on. She explained that if they wanted to look at **the** (9) view, it was better to have **the** (10) lamp switched off [Coe 2004].* — «Они уже и так опаздывали к обеду, поэтому, не задерживаясь на площадке у входа, сразу поднялись по винтовой лестнице в ресторан. Одна из официанток, с пугающим энтузиазмом, как будто мгновенно дала понять, что их ожидает один из самых лучших вечеров в их жизни, провела их к свободному столу и включила настольную лампу. Она пояснила, что если они хотят полюбоваться видом, лампу лучше выключить».

В общем предыдущем контексте речь шла о семейном походе на ужин в ресторан, и таким образом был задан событийный фрейм как общая когнитивная рамка интерпретации описываемого события. Обязательными компонентами данной ситуации являются элементы ситуации «ресторан» — сам ресторан, вход в него, часто хороший ресторан располагается в таком месте, где гости могут любоваться красивыми видами; далее происходит сужение фрейма до столика в ресторане, на котором часто располагают приборы освещения.

В данном примере из 10 случаев употребления артикля слово *restaurant* (3) задает фрейм, к тому же он был ранее упомянут; предупомянутость (анафора) представлена также в (10) при повторном упоминании лампы. Катафора при рестриктивном употреблении (2), а также единственность и предполагаемое наличие (практически обязательность) объектов (1) и (9) в данной когнитивной рамке ка-

тегоризуют эти объекты как определенные, тогда как (4), (5) и (7) впервые вводят объекты неединичные, хотя (4) и (7) и обязательны в ситуации ресторана. Случай (6) объясняется наличием прилагательного в форме превосходной степени и в силу этого выделенностью из класса.

Таким образом, артиклевая категоризации строится на противопоставлении типа идентификации — либо до уровня индивида, либо до уровня члена класса. Предложенная модель дидактически полезна, поскольку предлагает непротиворечивое логическое обоснование, казалось бы, разнородных случаев категоризации.

Вербализация процесса и результата категоризации

Рассмотрим то, как представлены сами операции категоризации в **естественном языке**. Фрейм категоризации может содержать как сам процесс категоризации, причем через различные действия: называние/обозначение (*называется, относится к*), через указание на модальность восприятия, на основе которой произведена категоризация (*выглядел*), акцент может делаться на степени уверенности говорящего в правильности категоризации (*точно*), говорящий может устанавливать подобие, но относить объект к иной категории (*аналогичный*), колебаться в принятии решения, представить решение о категоризации как результат сложной когнитивной операции — через внутренний диалог (*как будто*) и др. В принципе фрейм когнитивной ментальной операции достаточно типичен; другое дело, что в языке данные операции представлены селективно и могут отличаться от языка к языку. Таким образом, говорящий может акцентировать путь получения знания, способ его вербализации (*обозначить, выглядеть*), сопутствующие процессу обстоятельства, аспекты принятия решения: колебания в его принятии (*все-таки*), уверенность/неуверенность в принятом решении (*вроде, как будто*), оценку (вероятности) соответствия объекта требованиям, предъявляемым к объектам данной категории/класса (*идентичный, похожий, настоящий*) и ряд других.

При этом существенное различие проходит между языковыми единицами — чаще всего предикатами, — вносящими информацию о самом процессе категоризации, с одной стороны, и предикатами, «закрепляющими» результат категоризации и характеризующими отношение говорящего к «надежности» результата категоризации — с другой.

Первую, относительно немногочисленную, группу составляют предикаты типа *относиться(ся) к, являться, быть* — здесь имеет место объективное установление соответствия объекта свойствам членов класса, к которому говорящий и относит описываемый объект; напр., говорящий ставит вопрос о категоризации:

И не является ли ошибкой приписывать компьютерным устройствам человеческую способность осмысливать получаемые сведения, включая и те, которые не оформлены в сообщения и воспринимаются лишь как сигналы, излучаемые окружающей средой и являющиеся не чем иным, как её отражением? [Попов и др. 2004]¹;

или осуществляет категоризацию:

¹ Приведенный пример, как и большинство примеров ниже, цит. по Национальному корпусу русского языка (НКРЯ): <http://www.ruscorpora.ru/>, в этих случаях страница источника при цитате не указывается.

Гораздо лучшим критерием при приёме сотрудников на работу **является** формула «стремление к успеху в прошлом подразумевает стремление к успеху в будущем». Я настаиваю на том, что именно стремление быть эффективным на своём рабочем месте **является** более надёжным доказательством пригодности сотрудника к работе, чем опыт выполнения конкретной работы. Вы можете **увидеть** это стремление, отследив изменение уровня ответственности в процессе карьерного роста соискателя, но, как правило, это чётче проясняется в ходе собеседований [Глен 2004];

или примеры с нулевой формой глагола *быть*:

Он для нас непостижим, Он бесконечно велик, Он — тайна, и вместе с этим по Своей свободной воле Он нас приобщает к Своей жизни. В каком-то смысле можно **сказать**, что Он является Жизнью нашей на такой глубине, до какой мы не можем дойти сознанием и опытом [Блум 2012: 716].

Во вторую группу входят предикаты типа *считать*, *казаться*, *называть*, *классифицировать*, *обозначать как*, *характеризовать как*, которые вербализуют не сам процесс категоризации, а скорее результат когнитивной операции, предшествующей категоризации, — говорящий фиксирует форму «закрепления» категоризации, ее точность (*казаться*, *выглядеть*) или прочие параметры фрейма. При этом речь может идти о точке зрения говорящего относительно принадлежности X-а к данному классу X-ов, сформированной на основании его умозаключения (*считать*): Он смотрел на гостью и думал, что ее «мистер Корбах» дает понять, что она **не считает** его родственником ни с той, ни с другой стороны [Аксенов 1997]; о его классифицирующей деятельности в различных формах (*характеризовать как*, *обозначить*, *назвать*), о категоризации через обозначение типа восприятия (X казался, выглядел как):

Каждый воспринимает хирургическую операцию, которую ему приходится вынести, как едва ли не первую в истории медицины, а о смерти своей мыслит как о единственной в истории человечества. Суд, который был назначен на двенадцать часов, тоже **казался мне** первым судом на земле. Однако за два часа до него началось слушание другого дела. В чём-то **похожего** [Алексин 1980].

При категоризации может иметь место сложный когнитивный процесс — так, характеристика *в конечном счете* основана на пресуппозиции, что категоризации и сообщению о принятии решения предшествовали операции взвешивания, размышления.

Принадлежность к классу может определяться, наряду с обозначением когнитивной операции *характеризовать как*, *маркировать*, *именовать*, *обозвать*, *отобразить как*, *представлять*, и через результат этой операции: *называемый*, *обозначаемый*.

Говорящий может также устанавливать **подобие** между объектами, принадлежащими к разным классам объектов (но не принадлежность к классу) — *уподобить*, *обращаться как с* (*равным/соперником/другом*) / *имитировать* / *закосить под*, *словно*, *закодировать* / *изобразить как* / *отождествить с*, *клеимить*, например: С Государем и с императрицей он **обращался, как** с близкими, давнишними друзьями, чуть не трепал по плечу [Милютин 2016]. Уподобление часто вербализуется через частицы *как*, *будто* и *как будто*. Ср. попытку уподобления в Еван-

гелии от Луки (гл. 13): *Он же сказал: чему подобно Царствие Божие? И чему уподоблю его?*

Говорящий также может акцентировать **результат** когнитивной операции уподобления/расподобления объекта класса X объекту класса Y: объект может характеризоваться как *мнимый, ложный, отличный от, подобный, фиктивный, похожий, приблизительный, примерный, сходный, аналогичный, схожий*, и даже как *идентичный* — практически полностью совпавший с объектами класса Y, но говорящий пока не относит его к классу X-ов. Например: *...иногда он принимает этот мнимый мир за действительный, и тогда происходит большая путаница, обиды для окружающих и опасность для предметов материального мира* [Нагибин 1995].

Объект может характеризоваться по степени соответствия требованиям, предъявляемым к членам класса: *настоящий, типичный, точный, действительный, истинный, канонический, несомненный, полностью соответствующий, нормальный, обычный, неподдельный, полноценный, соответствующий, бесспорный, банальный* (= соответствует со всей очевидностью), *буквальный* (= соответствует в мелких деталях), *вполне, отъявленный, неоспоримый* — безусловно соответствующий требованиям класса, в чем не может быть разногласий, или *неопределенный* — у говорящего нет решения относительно «классовой принадлежности» объекта,

Говорящий может констатировать **слабое соответствие** объекта X тем свойствам, которые определяют его отнесенность именно к данному классу — это «худший» представитель класса: *заурядный, захудалый, никудышный, элементарный, надуманный (предлог), косвенный*. Ср. также *формальный* — речь о неполном соответствии: по некоторым внешним признакам объект может быть отнесен к классу X-ов, но по сути он скорее не-X.

Субъект может высказываться о категоризации после некоторых сомнений и когнитивного анализа, часто после некоторого внутреннего диалога: *если разобраться, вроде (как), все-таки, вправду, будто, как будто, все-таки, действительно, именно, вовсе не, ср.: Словно одуванчики разметал по льду тихий вей. Приглядишься — и вправду волшебный цветок: стрелчатые кристаллы, иглы, веточки* [Екимов 2015].

Объект категоризации может быть представлен как категоризируемый в некотором социуме в качестве принадлежащего к некоторому классу, причем его принадлежность к означенному классу принята на веру — *известный как*, например: *...60 процентов потребляемого теперь в столице хлеба составляет батон «нарезной» (ранее известный как «за 13 копеек»* [Арифджанов 1997: 15].

В высказывании может быть представлена «как бы категоризация» — вносится информация о том, что говорящий полагается на некоторые визуальные, аудиальные, тактильные ощущения, причем необязательно свои, и «предлагает» на основании этих характеристик обращаться с объектом неясного класса как с таким, который выглядит, имеет тактильные или аудиальные, одорические, глуттонические характеристики, свойственные описываемому классу по модальности восприятия: *воспринимаемый, видимый/ощущаемый/звучащий (как)*. По всей видимости, здесь можно также говорить об операции (результате) уподобления, однако представляется, что можно выделить данные операции на том основании, что они базируются на одном когнитивном принципе.

Говорящий может отнести некоторое событие/объект к классу с определенной степенью вероятности: *вероятно, безусловно, очевидно, видимо, вроде* и др.: *Письмо — грамотное, даже со следами хорошего слога: Ваш образ, безусловно положительный, я никогда не забуду. Вы — из тех женщин, которые украшают людям жизнь* [Грекова 2002]. В данном случае речь чаще всего идет о действиях, относимых к тому или иному классу (объектов — см. выше замечание о том, что в данной работе действия также отнесены к объектам).

Принадлежность объекта к классу может также характеризоваться как варьирующая по степени и качеству выделенности — *отчетливый, разборчивый, внятный, видимый, выраженный* (но не *выразительный!*), *невнятный, невразумительный, явный, явственный, неразличимый, приметный*.

Речь может идти о степени «уверенности» в степени соответствия — *как таковой — как такового мужа у нее не было, казаться, кажущийся: Причём сценария как такового у них не было — они предложили заняться им мне* [Кио 1999].

Речь может идти о принятии решения на основе выделения главного и отбрасывания несущественного — *по сути, в сущности, собственно*.

Установление связи — *ассоциировать*.

В процессе категоризации может также акцентироваться становление и переход некоторого объекта в данный класс объектов: *готовый (специалист, только посмотри на него)*, ср. также *изначально был*; переименование: *или иначе, иносказательно*; или, напротив, сохранение категориальности: *устойчивый*.

Отметим, что включение многозначных слов типа *вроде* в различные форматы профилирования отражает многозначность данного слова: с одной стороны, акцентируется подобие, с другой стороны, речь может идти о нечеткости отнесения к классу (см. определение значения слова *вроде*: 1) ‘подобно кому/чему-нибудь’, 2) ‘как будто, кажется’ [Ожегов 1990: 107]). При этом контекст может «диктовать» выбор типа профилирования в пользу одного из свойств объекта, исключая другие возможные свойства: *Я сел за работу, развлекаемый долетавшими из соседней квартиры... звуками музыки, командными словами танцев и топотом ног. Там справляли нечто вроде нашего старинного девичника, называемого у немцев «Polteabend»* [Кони 1989].

Выводы

Проведенный анализ языковых средств русского языка позволяет выстроить общий фрейм процесса категоризации.

Рассмотрена особая роль артикля как специального средства категоризации.

Прежде всего говорящий выбирает общую стратегию категоризации — либо специально обозначить категорию (*является*) или процесс категоризации (*классифицировать*), либо «опосредованно», практически через обстоятельственную метонимию осуществить категоризацию, обозначив иную, сопутствующую категоризации когнитивную операцию, результатом которой и можно считать отнесение к категории (*считать*). (При этом с точки зрения особенностей категоризации, по всей видимости, нерелевантна частеречная принадлежность слова, ср. *являться — являющийся*. Впрочем, данный вопрос безусловно требует специального исследования.) Далее говорящий сосредоточивается на свойствах когнитивной ситуации

и выбирает одно из свойств, которое и выступает репрезентантом всей когнитивной ситуации. Это может быть акцент на:

- сформированном у говорящего мнении как результате произведенной когнитивной операции: *считать, отнести к*;
- оценке степени обоснованности мнения: *безусловный*;
- оценке уверенности говорящего: *несомненный*;
- оценке степени соответствия (и несоответствия) описываемого объекта свойствам, которым должен удовлетворять объект для того, чтобы его можно было отнести именно к данному классу: *настоящий, подлинный vs. мнимый, ложный*;
- выделении объектов, которые «приближены» по своим свойствам к данному классу, но, несмотря на это, не могут быть включены в него: *похожий, подобный*;
- указании модальности восприятия, на основании которого осуществлялась категоризация: *выглядеть как*.

Иными словами, для данного фрейма существенным оказалось, во-первых, то, как именно говорящий представляет свою ментальную деятельность — принятие как данности или, напротив, за его операцией стоит логическая обработка данных; во-вторых, на основании каких свойств объекта говорящий относит его в данную категорию, насколько отчетливо и однозначно они выражены и распознаны говорящим.

Рассмотрена также особая роль артикля как специального средства категоризации.

В качестве перспективы исследования представляется важным выявить особенности вербализации процесса и результата категоризации, связанные с частеречной принадлежностью языковых единиц, напр. структур с наречными уточнителями: *истинный, настоящий и поистине, по-настоящему*.

Источники

- Аксенов 1997 — Аксенов В. П. *Новый сладостный стиль*. М.: Изограф, 1997. 558 с.
- Алексин 1980 — Алексин А. *Раздел имущества*. М.: Правда, 1980. 63 с.
- Арифджанов 1997 — Арифджанов Р. Белое и черное: Трагические сводки с фронта борьбы двух московских хлебов. *Столица*. 1997, (5): 14–17.
- Блум 2012 — Блум А. Б. *Труды*: в 3 кн. Кн. 1. М.: Практика, 2012. 1112 с.
- Глен 2004 — Глен П. Кадры, которые нам не подходят. *Computerworld Россия*. 2004, (29). <https://www.osp.ru/cw/2004/29/78932/> (дата обращения: 01.12.2019).
- Грекова 2002 — Грекова И. *Перелом: Повести*. М.: Эксмо; Zebra E, 2002. 301 с.
- Екимов 2015 — Екимов Б. Житейские истории. *Новый мир*. 2015, (10). https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2015/10/zhitejskie-istorii-5.html (дата обращения: 01.12.2019).
- Попов и др. 2004 — Попов В. И., Козлов С. В., Богачев А. Г. Интерпретации и смысл понятия «информация». *Информационные технологии*. 2004 (10): 59–62.
- Кантор 2016 — Кантор М. *Чертополох*. М.: АСТ, 2016. 478 с.
- Кио 1999 — Кио И. *Иллюзии без иллюзий*. М.: Вагриус, 1999. 315 с.
- Кони 1989 — Кони А. Ф. Лев Николаевич Толстой (Статьи и воспоминания о писателе). Кони А. Ф. *Избранное*. М.: Советская Россия, 1989. http://lib.ru/MEMUARY/KONI_A_F/tolstoj.txt (дата обращения: 01.12.2019).
- Милютин 2016 — Милютин Д. А. *Дневник: 1873–1882*: в 2 т. Т. 2. М.: Захаров, 2016. 543 с.

- Нагибин 1995 — Нагибин Ю. М. *Дневник*. М.: Книжный сад, 1995. 574 с.
- Шварц 2019 — Шварц Е. Л. *Ленинградская телефонная книжка*. М.: АСТ; Времена, 2019. 541 с.
- Сое 2004 — Сое J. *The closed circle*. London: Viking, 2004. 432 p. https://bookfrom.net/jonathan-coe/page,42,49399-the_closed_circle.html (дата обращения: 01.12.2019).

Словари

- Ожегов 1990 — Ожегов С. И. *Словарь русского языка: 70 000 слов*. М.: Русский язык, 1990. 921 с.

Литература

- Безукладова 2013 — Безукладова И. Ю. Особенности категоризации физических и ментальных индивидуальных пространств в языке. *Когнитивные исследования языка*. 2013, (13): 145–151.
- Болдырев 2010 — Болдырев Н. Н. Категориальный уровень представления знаний в языке: модусная категория отрицания. *Когнитивные исследования языка*. 2010, (7): 45–60.
- Вербицкая 2015 — Вербицкая Л. А. Язык и общество: Роль языка в жизни общества. *Педагогика*. 2015, (2): 3–18.
- Гартунг 2019 — Гартунг С. Р. Корпусное исследование категоризации неискренности в коллективной когниции. *Вестник Московского городского педагогического университета. Сер.: Филология. Теория языка. Языковое образование*. 2019, (1): 93–99. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2019.33.1.12>.
- Дзюба 2015 — Дзюба Е. В. Типология категорий языкового сознания. *Вестник Московского городского педагогического университета. Сер.: Филология. Теория языка. Языковое образование*. 2015, (1): 77–86.
- Кубрякова 2010 — Кубрякова Е. С. О месте когнитивной лингвистики среди других наук когнитивного цикла и о ее роли в исследовании процессов категоризации и концептуализации мира. *Когнитивные исследования языка*. 2010, (7): 13–18.
- Манаенко 2019 — Манаенко С. А. Категоризация служебных слов на основе дискурсивного употребления. *Когнитивные исследования языка*. 2019, (37): 395–500.
- Селиверстова 1973 — Селиверстова О. Н. Семантический анализ предикативных притяжательных конструкций с глаголом *быть*. *Вопросы языкознания*. 1973, (5): 95–105.
- Сулейманова 1984 — Сулейманова О. А. Местоименные актуализаторы *весь* и *целый* в современном русском языке. *Научные доклады высшей школы. Филологические науки*. 1984, (4): 78–82.
- Сулейманова 2013 — Сулейманова О. А. Фреймовая структура знания как основа лингвистических решений. *Хабаршы. Вестник. Педагогика. Филология. Западно-Казахстанский государственный университет им. М. Утемисова*. 2013, (4): 162–169.
- Сулейманова, Петрова 2018 — Сулейманова О. А., Петрова И. М. Экспланаторный потенциал теории классов для лингвистического исследования: порядок следования определений. *Филология: Научные исследования*. 2018, (3): 52–64. http://www.nbpublish.com/library_tariffs.php (дата обращения: 01.12.2019).
- Фурс, Вишневская 2019 — Фурс Л. А., Вишневская Е. А. Уподобление и его репрезентация в современном английском языке. *Когнитивные исследования языка*. 2019, (37): 340–344.
- Geeraerts 1990 — Geeraerts D. The lexicographical treatment of prototypical polysemy. In: *Meanings and prototypes: Studies in linguistic categorization*. Tsohatzidis S. L. (ed.). New York: Routledge, 1990. P. 195–210.
- Hawkins 1978 — Hawkins J. *Definiteness and indefiniteness: A study in reference and grammaticality prediction*. London: Croom Helm, 1978. 192 p.
- Shen, Gil 2017 — Shen Y., Gil D. How language influences the way we categorize hybrids. In: *Handbook of categorization in cognitive science*. Cohen H., Lefebvre C. (eds.). Amsterdam: Elsevier, 2017. P. 1177–1200.
- Souleimanova 2015 — Souleimanova O. A. Category of definiteness/indefiniteness in didactic perspective. *Педагогический журнал Башкортостана*. 2015, 1 (56): 203–209.

- Sroka 2018 — Sroka K. A. The category of location in (morpho) semantics and pragmatics. In: *Sprache verstehen, verwenden, übersetzen*. Berlin: Peter Lang, 2018. S. 231–249.
- Yin 2016 — Yin Z. Register-specific meaning categorization of linking adverbials in English. *Journal of English for Academic Purposes*. 2016, (22): 1–18.

Статья поступила в редакцию 10 декабря 2019 г.

Статья рекомендована в печать 10 апреля 2020 г.

Olga A. Suleymanova

Moscow City University,
5B, Malii Kazennii per., Moscow, 105064, Russia
olgasoul@rambler.ru

Albina A. Vodianskaya

Moscow City University,
5B, Malii Kazennii per., Moscow, 105064, Russia
avodyanickaya@yandex.ru

Marina A. Fomina

Moscow City University,
5B, Malii Kazennii per., Moscow, 105064, Russia
marinafomina7@gmail.com

Categorization and its linguistic representation

For citation: Suleymanova O. A., Vodianskaya A. A., Fomina M. A. Categorization and its linguistic representation. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 2020, 17 (2): 309–322. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2020.209> (In Russian)

The cognitive science approached categorization from merely linguistic perspectives — the researchers focus on categorization, linguistic means of its representation (articles, pronouns, verbs, word order, intonation), while the process and the results of categorization are verbalized and language means employed in this cognitive operation are still not well studied. We aim to build the categorization frame, reveal the principles of profiling and language means of verbalization employed while describing the process. The research starts with gathering the lexical units from the Russian-Russian Dictionary by Sergey Ozhegov that describe the process of categorization. Then the authors build a categorization frame — first, the objects are classified, second, the speaker rationalizes his/her decision, then, the categorizing per se goes — the objects are referred to some class, the speaker expresses the extent of his confidence of the decision, the extent to which the object is assigned to the class, or correlates the object with the members of the class without ‘establishing the membership.’ The research resulted in the typology of items that describe categorization, profiling operations with the focus on the way of acquiring knowledge (*oboznachat’, vyglyadet’*), circumstances, aspects of the decision making process — hesitating (*vsyo-taki*), doubting the decision (*vrode, kak budto*), estimating the degree to which the object meets the requirements to the members of the category (*identichnyj, pohoziy, nastoyashchij*), while other language units establish similarities between objects of different classes (*pohoziy*), emphasize the result of such a cognitive operation as likening (*mnimyy, lozhnyj, shozhiy*), or a weak correspondence between the object and those properties that allow it to be assigned to a particular class (the “worst” representative of the class: *zaurjadnyj, zahudalyj, nikudyshnij*).

Keywords: language categorization, categorization frame, cognitive operation, class of objects, principle of profiling.

References

- Безукладова 2013 — Bezukladova I. Yu. Physical and mental individual space categorization peculiarities in language. *Kognitivnye issledovaniia iazyka*. 2013, (13): 145–151. (In Russian)
- Болдырев 2010 — Boldyrev N. N. Categorical level of knowledge representation in language: the modus category of negation. *Kognitivnye issledovaniia iazyka*. 2010, (7): 45–60. (In Russian)
- Вербицкая 2015 — Verbitskaya L. A. Language and society: The role of language in society. *Pedagogika*. 2015, (2): 3–18. (In Russian)
- Гартунг 2019 — Gartung S. R. Corpus study of categorization of insincerity in collective cognition. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Ser.: Filologiya. Teoriia iazyka. Iazykovoie obrazovanie*. 2019, (1): 93–99. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2019.33.1.12>. (In Russian)
- Дзюба 2015 — Dziuba E. V. The Typology of the Linguistic Consciousness Categories. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Ser.: Filologiya. Teoriia iazyka. Iazykovoie obrazovanie*. 2015, (1): 77–86. (In Russian)
- Кубрякова 2010 — Kubryakova E. S. On the status of cognitive linguistics among other cognitive sciences and its role in the research of world categorization and conceptualization processes. *Kognitivnye issledovaniia iazyka*. 2010, (7): 13–18. (In Russian)
- Манаенко 2019 — Manaenko S. A. Categorization of the keywords on the basis of the discourse of use. *Kognitivnye issledovaniia iazyka*. 2019, (37): 395–500. (In Russian)
- Селиверстова 1973 — Seliverstova O. N. Semantic analysis of predicative possessive constructions with the verb to be. *Voprosy iazykoznanii*. 1973, (5): 95–105. (In Russian)
- Судейманова 1984 — Suleimanova O. A. The pronoun actualizers *ves'* and *tselyj* in modern Russian. *Nauchnye doklady vysshei shkoly. Filologicheskie nauki*. 1984, (4): 78–82. (In Russian)
- Судейманова 2013 — Suleimanova O. A. The frame structure of knowledge as the basis of linguistic decisions. *Habarshy. Vestnik. Pedagogika. Filologiya. Zapadno-Kazakhstanskii gosudarstvennyi universitet im. M. Utemisova*. 2013, (4): 162–169. (In Russian)
- Судейманова, Петрова 2018 — Suleimanova O. A., Petrova I. M. Explanatory potential of the theory of classes for linguistic research: word order in attributive group. *Filologiya: Nauchnye issledovaniia*. 2018, (3): 52–64. http://www.nbpublish.com/library_tariffs.php (access date: 01.12.2019). (In Russian)
- Фурс, Вишневская 2019 — Furs L. A., Vishnevskaya E. A. Likening and its representation in English. *Kognitivnye issledovaniia iazyka*. 2019, (37): 340–344. (In Russian)
- Geeraerts 1990 — Geeraerts D. The lexicographical treatment of prototypical polysemy. In: *Meanings and prototypes: Studies in linguistic categorization*. Tsohatzidis S. L. (ed.). New York: Routledge, 1990. P. 195–210.
- Hawkins 1978 — Hawkins J. *Definiteness and indefiniteness: A study in reference and grammaticality prediction*. London: Croom Helm, 1978. 192 p.
- Shen, Gil 2017 — Shen Y., Gil D. How language influences the way we categorize hybrids. In: *Handbook of categorization in cognitive science*. Cohen H., Lefebvre C. (eds.). Amsterdam: Elsevier, 2017. P. 1177–1200.
- Souleimanova 2015 — Souleimanova O. A. Category of definiteness/indefiniteness in didactic perspective. *Pedagogicheskii zhurnal Bashkortostana*. 2015, 1 (56): 203–209.
- Sroka 2018 — Sroka K. A. The category of location in (morpho) semantics and pragmatics. In: *Sprache verstehen, verwenden, uebersetzen*. Berlin: Peter Lang, 2018. P. 231–249.
- Yin 2016 — Yin Z. Register-specific meaning categorization of linking adverbials in English. *Journal of English for Academic Purposes*. 2016, (22): 1–18.

Received: December 10, 2019

Accepted: April 10, 2020